

Никандрова И. А. Лексико-семантические группы глаголов как средство репрезентации персонажа в художественном дискурсе (по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») / И. А. Никандрова // Научный диалог. – 2013. – № 10 (22) : Филология. – С. 36–47.

УДК 821.161.1Достоевский.08

Лексико-семантические группы глаголов как средство репрезентации персонажа в художественном дискурсе (по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»)

И. А. Никандрова

В статье ставится проблема описания лексико-семантических групп глаголов как средства репрезентации персонажей в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Выявляется состав лексико-семантических групп глаголов, представленных в произведении, а также характер парадигматических отношений компонентов в структуре группы. Автор выделяет семь лексико-семантических групп: акциональных глаголов речевого действия; акциональных глаголов ментального действия; акциональных глаголов движения и перемещения в пространстве; акциональных глаголов физического действия; акциональных глаголов восприятия; статуальных глаголов, обозначающих ощущения; статуальных глаголов, обозначающих эмоциональные состояния. Автор приходит к выводу, что с помощью глаголов этих лексико-семантических групп Ф. М. Достоевский изображает эмоции и ощущения персонажа крупным планом так, чтобы внутренний мир персонажа во всей его сложности и противоречивости оказался в фокусе восприятия читателя. Анализ показывает, что глагольные единицы представляют собой сложно организованную систему ключевых слов, посредством которых создается образ того или иного героя. Они участвуют в речевой характеристике героев романа и одновременно передают их психологические состояния в конкретной ситуации, динамику отношений между героями.

Ключевые слова: персонаж; лексико-семантическая группа; парадигматические отношения; акциональные глаголы; статуальные глаголы.

Вопросы функционирования глаголов разных лексико-семантических групп в текстах художественной литературы затрагиваются в ряде научных работ [Архипова, 2000; Гичева, 1994; Ковенева, 2008; Фролова, 2011 и др.]. Работа с художественным текстом позволяет уточнить состав лексико-семантических групп глаголов, определить характер парадигматических отношений компонентов в структуре группы, выявить их синтагматические особенности, а также определить роль ЛСГ в репрезентации персонажа произведения. В качестве иллюстрации данной мысли обратимся к ЛСГ глаголов, представленных в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [Достоевский, 1980] и участвующих в репрезентации образов Раскольникова и Порфирия Петровича. Для этого проанализируем определенные фрагменты романа: сцену убийства старухи-процентщицы, три сцены общения Родиона Романовича Раскольникова с Порфирием Петровичем и эпилог романа. Указанные фрагменты произведения, во-первых, являются средоточием глагольных лексем, передающих весь спектр действий, движений, событий, процессов, характеризующих персонажей в специфическом виртуальном мире. Во-вторых, эти сцены являются ключевыми в художественном произведении, если оценивать их с точки зрения отражения идейного содержания романа. Ф. М. Достоевский предстает в этих фрагментах как гений художественной диалектики, проникающий в «душу» своих персонажей. Перед читателем в данных сценах разворачивается все более накаляющаяся психологическая битва между Порфирием Петровичем и Раскольниковым.

В указанных фрагментах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» нами выделено семь ЛСГ глаголов:

- 1) ЛСГ акциональных глаголов речевого действия;
- 2) ЛСГ акциональных глаголов ментального действия;
- 3) ЛСГ акциональных глаголов движения и перемещения в пространстве;
- 4) ЛСГ акциональных глаголов физического действия;

- 5) ЛСГ акциональных глаголов восприятия;
- 6) ЛСГ статуальных глаголов, обозначающих ощущения;
- 7) ЛСГ статуальных глаголов, обозначающих эмоциональные состояния.

Акциональные глаголы речевого действия играют ведущую роль в создании психологических портретов героев романа Ф. М. Достоевского. Значительное количество речевых глаголов в указанном произведении обусловлено жанровыми традициями. Философский роман насыщен диалогами и монологами, в них изображается речевое действие героев посредством различных глаголов: *сказать, ответить, закричать, говорить, проговориться, заговорить, проговорить, продолжать, начал было, повторить, выговориться, молчать, промолвить* (о словах), *произнести, выразиться, поговорить, разговаривать, прибавить, заключить, произнести, помолчать, прибавить, крикнуть, вскричать, сорваться, воскликнуть, вырваться* (о сдерживаемых чувствах, словах и т. п.), *вскрикнуть, зашептать, прошептать, шептать, бормотать, пробормотать, сыпать, пропускать* (о словах), *ввернуть, вставить, перебить, обратиться, ответить, отрезать, спрашивать, подхватить, прервать, поддакнуть, отозваться, осведомиться, переговорить, завопить, закудаhtать, проворчать, брякнуть*. Всего 52 глагола.

Их изобразительные функции неодинаковы. Так, глаголы *говорить, проговориться, заговорить, проговорить, продолжать, начал было, повторить, выговориться, молчать, заключить* характерны в основном для начальных сцен общения Раскольникова и Порфирия Петровича, где оба героя романа предстают перед читателем психологически уравновешенными и готовыми к интеллектуальному общению: *заговорить* – ‘начать говорить’ [СРЯ, т. 1, с. 50]: – *В восьмом, – заговорил Раскольников* [Достоевский, 1980, с. 172]; *начал было* – ‘приступить к какому-либо действию’ [СРЯ, т. 2, с. 414]: – *Вы, кажется, говорили вчера, что желали бы спросить меня форменно...о моем знакомстве с этой...убитой? – начал было Раскольников* [Достоевский, 1980, с. 354]; *заключить* – ‘завершить речь’ [СРЯ, т. 1, с. 528]: – *Ну-с, браните меня или нет, сердитесь иль нет, а я не могу утерпеть, – заключил опять Порфирий Петрович, – позвольте еще вопросик один...* [Достоевский, 1980, с. 288].

Но по мере развития диалога между героями в глубине души Раскольникова зарождаются чувства, с которыми он едва справляется, и мысли, ведущие его к мучительным переживаниям. И это внутреннее смятение персонажа раскрывается с помощью других глаголов речевого действия, которые заключают в себе коннотативный компонент: *сорваться* – ‘(перен., разг.) произнести громко, с чувством, внезапно или непроизвольно’ [СРЯ, т. 4, с. 202]: – Э, вздор! Не верьте! А впрочем, ведь вы и без того не верите! – слишком уж со зла *сорвалось* у Раскольникова [Достоевский, 1980, с. 333]; *пробормотать* – ‘(разг.) проговорить тихо и невнятно, произнести бормоча’ [СРЯ, т. 3, с. 465]: – Да вы... да что же вы теперь-то все так говорите, – *пробормотал* наконец Раскольников, даже не осмыслив хорошенько вопроса [Достоевский, 1980, с. 301].

Данные глаголы употребляются автором при описании сложного внутреннего мира Раскольникова: Раскольников не может совладать со своими чувствами, но, утратив контроль над собой, герой как бы пытается вернуть его. Постепенное нарастание психического и эмоционального напряжения истощает терпение и вызывает некоторую психологическую передышку, сопровождаемую сменой тона диалога.

Поэтому речевые глаголы с семой ‘кричать’ оказываются противопоставленными речевым глаголам с семой ‘шептать’. Они характеризуют как Порфирия Петровича, так и Родиона Раскольникова: – Не позволю-с! – *крикнул* Раскольников» [Достоевский, 1980, с. 364]; – Вот и соврал! – *крикнул* Порфирий Петрович [Достоевский, 1980, с. 279]; Это было не в бреду, это было наяву! – *вскричал* он, напрягая все силы своего рассудка, чтобы проникнуть в игру Порфирия [Достоевский, 1980, с. 304]; Это не я убил, – *прошептал* было Раскольников, точно испуганные маленькие дети, когда их захватывают на месте преступления [Достоевский, 1980, с. 401].

Глаголы *бормотать* и *пробормотать* соотносимы по общему значению ‘говорить тихо, быстро и невнятно’ и противопоставлены по длительности обозначенного речевого процесса. Порфирий Петрович хочет понять подследственного, разобраться в его характере. Будучи умным, тонким и проницательным, Порфирий как бы надевает на себя маску вовсе не проницательного следователя и свои истинные предположения о том, кто виновен в убийстве старухи-процент-

щицы, поначалу скрывает. Этот образ «простачка-следователя» создается Достоевским с помощью речевого глагола *бормотать*, он самый частотный в характеристике Порфирия Петровича: *бормотать* – ‘говорить тихо и невнятно’ [СРЯ, т. 1, с. 108]: – *А форма не уйдет-с, сами увидите!* – *бормотал Порфирий, прислушиваясь к дверям...* [Достоевский, 1980, с. 275]. И пока Порфирий Петрович «бормочет», в его уме идет активный мыслительный процесс. Следователь пытается разгадать тайну личности Раскольникова: кто же он такой, как живет, о чем размышляет, что волнует его и что привело его к духовному падению. Иная стилистическая функция у речевого глагола *бормотать*, характеризующего речевое поведение Раскольникова. Этот глагол появляется в характеристике героя только в начале и в конце диалога с Порфирием Петровичем. Такое его размещение оправдано ситуацией: Раскольников с самого начала не знает, как себя вести со следователем. Эта поведенческая неопределенность, замешательство героя, безусловно, точно выражено глаголом *бормотал*.

Акциональные глаголы ментального действия, употребленные в указанных фрагментах романа, представлены следующими глаголами: *думать, развивать, выводить, взять, подумать, соображать, занимать* (о мыслях), *укрепляться* (о мысли), *отталкивать* (о мысли), *прилепляться* (о мелочах), *прицепиться, пронестись* (о мысли), *кишеть, думаться, мелькнуть* (о мысли), *промелькнуть* (о мысли), *озарить, крутились* (о мыслях), *мешаться* (о мыслях), *почудиться, рассудить, сочинять, запутать, подвести* (о галлюцинации), *выдумать, представить, остановиться* (на топоре), *прийти* (к заключениям), *решить, дойти* (о решении), *вообразить, дойти* (до последних столбов), *понять, считать, доказывать, изучить, ошибаться, перейти* (к убеждению), *постигнуть, знать, ведать, угадать, помнить, вспомнить, вспомниться, опомниться, забывать, забываться, забыть, отчеканиться, припомнить, попомнить, помянуть*.

Целенаправленное использование автором глаголов ментального действия при создании образа Раскольникова позволяет передать тонкие нюансы напряженной мыслительной работы героя, постепенное развитие идеи в его сознании: *мешаться (о мыслях)* – ‘утрачивать способность здраво, ясно мыслить, трезво оценивать обстановку’ [СРЯ, т. 2, с. 264–265]: *В эту же минуту он и сам сознавал, что мыс-*

ли его порою мешаются и что он очень слаб: второй день, как уж он почти совсем ничего не ел [Достоевский, 1980, с. 6]; *развивать* – ‘расширить, углубить содержание чего-нибудь (о мысли) [СРЯ, т. 3, с. 594]: – *Далее, помнится мне, я развиваю в моей статье, что все... ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники...* [Достоевский, 1980, с. 283].

В ЛСГ глаголов ментальной деятельности появляются такие, которые при употреблении их в составе конструкций (*прилепиться к мелочам, прицепиться к чему-нибудь*) приобретают метафорическое значение, отличное от прочих свойственных слову (согласно словарю) значений: *прилепляться (о мелочах)* – ‘(перен.) пристать к кому-либо, чему-либо, закрепиться (о мысли, прозвище)’ [СРЯ, т. 3, с. 419]: *Но какая-то рассеянность, как будто даже задумчивость, стала понемногу овладевать им: минутами он как будто забывался или, лучше сказать, забывал о главном и прилеплялся к мелочам* [Достоевский, 1980, с. 114]; *прицепиться* – ‘(перен.) привязаться к чему-либо’ [СРЯ, т. 3, с. 456]: *...он старался прицепиться к чему-нибудь и о чем-нибудь бы думать, о совершенно постороннем, но это совсем не удавалось* [Достоевский, 1980, с. 143]. После убийства Лизаветы Раскольников охватывает состояние особого страха, когда герой, боясь мыслей о только что произошедшем, осознанно старается не думать об этом и задерживается мыслями на незначительном. В ситуации глубочайшего напряжения при первой встрече с Порфирием Петровичем в конторе, опасаясь выдать себя, Раскольников старается не думать о главном, останавливая внимание на мелких, неважных деталях, что сказывается в использовании автором глагольно-именных конструкций «прилепляться к мелочам», «стараться прицепиться».

Глагольные предикаты с семой нецеленаправленности *пронестись (о мысли), кишеть* характеризуют внутреннее состояние Раскольникова: до самой последней черты в сознании Раскольникова остается место сомнению, которое проявляется во внезапно промелькнувшей мысли о возможности отступления: *пронестись (о мысли)* – ‘(перен.) быстро сменяя друг друга, пройти в сознании, в памяти

(о мыслях, воспоминаниях и т. п.)' [СРЯ, т. 3, с. 505]: *На одно мгновение пронеслась в уме его мысль: «Не уйти ли?»* [Достоевский, 1980, с. 109]; *кишеть* – '(перен.) беспорядочно двигаться в различных направлениях' [СРЯ, т. 2, с. 52]: *Клочки и отрывки каких-то мыслей так и кишели в его голове; но он ни одной не мог схватить, ни на одной не мог остановиться, несмотря даже на усилия...* [Достоевский, 1980, с. 280].

Акциональные глаголы движения и перемещения в пространстве представлены в указанных фрагментах романа следующими глаголами: *остановиться, останавливаться, постоять, стоять, стать, приостановиться, пойти, идти, пройти, ступить шаг, отступить, отшатнуться, двигаться, выйти, входить, переступить (о пороге), ходить, прийти, погулять, вынести, заходить, направиться, выйти, воротиться, повернуть, поворотить, сделать крюк, подойти на цыпочках, выйти на цыпочках, прошмыгнуть, проскользнуть, побежать, броситься, кинуться, пуститься, убежать, выбежать, спуститься, сходить, сойти, подниматься, усаживать, вскочить, подскочить*.

Глаголы *остановиться, останавливаться, постоять, стоять, стать, приостановиться* используются Достоевским в тексте романа при реализации приема неожиданных остановок. Остановками, подчеркивающими поражение, вызванное неприятием собственной идеи, сопровождается спуск Раскольникова по лестнице после «пробного» посещения старухи: *останавливаться* – 'переставать двигаться' [СРЯ, т. 2, с. 654]: *Сходя по лестнице, он несколько раз даже **останавливался**, как будто чем-то внезапно пораженный* [Достоевский, 1980, с. 10].

Другое употребление глаголов с семой 'остановка' обусловлено иной ситуацией: при последней встрече Раскольникова со следователем Порфирий Петрович «раскрывает карты», называя имя убийцы. Раскольников поражен, его удивление настолько велико, что оно передается и во внешних действиях Раскольникова: герой останавливается пораженный. Глагол *постоять* означает 'некоторое время стоять' [СРЯ, т. 3, с. 324]: *Раскольников вскочил с дивана, **постоял** было несколько секунд и сел опять, не говоря ни слова* [Достоевский, 1980, с. 400].

Глагольные предикаты и глагольно-именные конструкции *подойти на цыпочках, выйти на цыпочках, прошмыгнуть, проскользнуть* употребляются только в портретной характеристике Родиона Раскольникова и только в сценах до и после совершения преступления. Такой отбор Достоевским языковых средств не случаен: автор рисует таким образом боязнь героя быть замеченным. Раскольников стремится совершать все свои перемещения незаметно: *выйти на цыпочках* – ‘уйти, оставить пределы чего-нибудь тихо, неслышно, на кончиках пальцев ног’ [СРЯ, т. 1, с. 257–258]: *Он выждал, вышел на цыпочках и побежал вниз* [Достоевский, 1980, с. 119]; *прошмыгнуть* – ‘быстро и незаметно пройти, проскользнуть’ [СРЯ, т. 3, с. 547]: *В одно мгновение прошмыгнул он в отворенную дверь и притаился за стеной, и было время: они уже стояли на самой площадке* [Достоевский, 1980, с. 119].

Акциональные глаголы физического действия представлены в указанных фрагментах романа следующими глаголами: *схватить, взмахнуть, намахнуться, стиснуть, сжимать, засунуть (руки), пожать (о руке), протянуть (о руке), придерживать (о руке), вынул, опустил, облокотиться, ерошить, уложить, бросить, полезть, ударить, нагнуться, выпустить, уронить, позвонить, дернуть, вынуть, прикрепить*.

Из анализируемого материала видно, что значительное количество глаголов физического действия функционирует в сцене совершения Раскольниковым преступления. Сцена убийства старухи-процентщицы создана из акциональных глаголов физического действия и глаголов движения. При этом автору важно показать набор действий в их четкой последовательности (*вошел, прошел, стал подниматься, вынул, взмахнул, опустил*): *взмахнуть* – ‘делать движения, взмахи по воздуху’ [СРЯ, т. 1, с. 239]: *В нетерпении он взмахнул было опять топором, чтобы рубануть по шурку тут же, по телу, сверху...* [Достоевский, 1980, с. 112]; *опустить* – ‘переместить в более низкое положение’ [СРЯ, т. 2, с. 633]: *Но как только он раз опустил топор, тут и родилась в нем сила* [Достоевский, 1980, с. 111].

Акциональные глаголы восприятия представлены в указанных фрагментах романа следующими глаголами: *увидеть, разглядывать, осмотреть, взглядывать, глядеть, покоситься, посмотреть, сле-*

дить, рассматривать, всматриваться, поглядеть, осмотреться, оглядеться, наблюдать, заглядывать, взглянуть, окинуть (о взгляде), *отвести* (о глазах), *посмотреть, послышаться, услышать, различить* (о шорохе), *прислушиваться, слушать, наострить* (уши).

Таким образом, в романе Достоевского лексико-семантический класс акциональных глаголов восприятия подразделяется на две большие подгруппы: глаголы слухового восприятия и глаголы зрительного восприятия. Синтагматическая особенность глаголов восприятия, заключающаяся в их способности сочетаться со словами, составляющими оппозицию по признаку «целенаправленность / нецеленаправленность», важна при описании состояния и поведения героев. В сцене убийства старухи-процентщицы встречается большое количество глаголов зрительного восприятия: Раскольников постоянно *смотрит, озирается*, потому что боится быть пойманным, и, конечно, в данных глаголах актуализируется сема целенаправленности: *осмотреться* – ‘посмотреть вокруг себя по сторонам; оглядеться’ [СРЯ, т. 2, с. 649]: *Он осмотрелся кругом – никого* [Достоевский, 1980, с. 65]; *глядеть* – ‘устремлять, направлять взгляд, направлять глаза, на кого-либо’ [СРЯ, т. 1, с. 318]: *Мало глядел он на прохожих, даже старался совсем не глядеть на лица и быть как можно неприметнее* [Достоевский, 1980, с. 65].

Статуальные глаголы, обозначающие ощущения, представлены в романе Ф. М. Достоевского следующими глаголами: *неть, деревенеть, окостенеть, обессилить, ослабеть, остолбенеть, подгибаться, отлечь*.

Важно отметить стилистические функции данных глаголов. С первых страниц романа перед читателем возникает персонаж, чей внутренний мир находится в болезненном состоянии; глаголы ощущения *неть* и *деревенеть*, *ослабеть* и *обессилеть* соотносятся с семантикой ‘болезненность’, ‘нездоровье’: *неть* – ‘(перен.) терять чувствительность, цепенеть’ [СРЯ, т. 2, с. 454] и *деревенеть* – ‘становиться онемелым, утрачивать чувствительность’ [СРЯ, т. 1, с. 388]: *Руки его были ужасно слабы; самому ему слышалось, как они, с каждым мгновением, все более немели и деревенели* [Достоевский, 1980, с. 111]. Раскольников постоянно испытывает боль, прежде всего душевную, психологическую. Эмоционально герой доведен до крайно-

сти, и его переживания переходят в физические ощущения: *Первоначальное изумление его мало-помалу сменилось ужасом, как будто мороз прошел по спине его.*

Статуальные глаголы, обозначающие эмоциональное состояние, представлены следующими языковыми фактами: *омрачаться, нахмуриться, встрепенуться, торжествовать, обрадоваться, засмеяться, смеяться, усмехнуться, выдавиться* (об усмешке), *улыбнуться, бродить* (об улыбке), *захохотать, поглумиться, оживляться, повеселеть, рассмеяться, захихикать, закатиться, раздражаться, раздражить, волновать, возрастать* (о волнении), *накипать* (о злобе), *закипеть* (о негодовании), *рассердиться, злиться, развинтиться, стыдиться, смутиться, трепетать, пугать, дрожать, вздрогнуть, бояться, испугаться, содрогнуться, затрепетать, колотиться, стукнуть* (о сердце).

Глаголы *омрачаться, нахмуриться* рисуют подавленное душевное состояние Раскольникова, так как им постоянно овладевает чувство страха, боязни быть «раскрытым» в совершении преступления: *омрачаться* – ‘стать мрачным, печальным, грустным (обычно о взоре, лице)’ [СРЯ, т. 2, 617]: *Лицо Раскольникова омрачалось более и более* [Достоевский, 1980, с. 22]; *нахмуриться* – ‘нахмурить лоб, брови, лицо, стать хмурым; угрюмо или задумчиво морщить лицо, брови, лоб’ [СРЯ, т. 2, с. 412]: ...*отвращение Раскольникова вдруг перешло всю осторожность: он перестал смеяться, нахмурился и долго и ненавистно смотрел на Порфирия, не спуская с него глаз* [Достоевский, 1980, с. 294].

Глагольные единицы *встрепенуться, торжествовать, оживляться, повеселеть, смеяться, засмеяться, улыбнуться, рассмеяться, захохотать, захихикать, закатиться, бродить* (об улыбке) появляются на страницах романа тогда, когда Раскольников в диалогах с Порфирием Петровичем представляет, что его опасения напрасны: следовательно не знает, кто преступник. Именно в такие моменты герой вновь воодушевляется: *торжествовать* – ‘радоваться, ликовать по поводу своей победы над кем-либо, успеха в чем-либо’ [СРЯ, т. 4, с. 386]: *Он уже вполне овладел ловушкой и торжествовал* [Достоевский, 1980, с. 261]; *встрепенуться* – ‘внезапно оживиться, прийти в движение’ [СРЯ, т. 1, с. 236]: ...*тут он весь вдруг встрепенулся*

и успел-таки быстро и ловко проскользнуть назад из сеней в квартиру [Достоевский, 1980, с. 126].

Отметим, что глагол *обрадоваться* для характеристики состояния Раскольникова употребляется автором на страницах романа единожды – в эпилоге. Важной особенностью данного глагола является его употребление в конструкции конъюнктива, которая обозначает, что герой готов ощутить чувство радости только после своего раскаяния в преступлении. Именно поэтому словоформа *обрадовался* появляется на последних страницах романа; до раскаяния сама мысль о духовной радости была невозможна для Раскольникова: *обрадоваться* – ‘испытывать радость, предаваться радости’ [СРЯ, т. 2, с. 559]: *О, он бы обрадовался ему (раскаянию)! Муки и слезы – ведь это тоже жизнь. Но он не раскаивался в своем преступлении* [Достоевский, 1980, с. 553].

Глаголы *захохотать* и *смеяться* используются для характеристики обоих героев – и Раскольникова, и Порфирия Петровича. Действия этого типа являются не проявлением веселости, а скорее своеобразным маневренным приемом в психологической борьбе преступника и следователя, хотя создается видимость некоторой произвольности действия. Что касается статуального глагола *повеселеть*, обозначающего эмоциональное состояние Порфирия Петровича, то он употребляется в сочетании с наречием *вдруг* (*Порфирий Петрович... вдруг как-то повеселел*). Словосочетание *вдруг повеселел* характеризует манеру поведения Порфирия Петровича: следователь заведомо знает, что Раскольников виновен в совершении преступления, но хочет добиться от него самого признания и раскаяния, и каждый раз, когда следователю кажется, что Раскольников близок к признанию, он ободряется, что и подтверждает словоформа *повеселел*.

Анализ ЛСГ статуальных глаголов в романе Ф. М. Достоевского показал, что писатель изображает эмоции и ощущения персонажа крупным планом так, чтобы внутренний мир персонажа во всей его сложности и противоречивости оказался в фокусе восприятия читателя.

Таким образом, анализ глаголов разных ЛСГ показывает, что глагольные единицы представляют собой сложно организованную систему ключевых слов, посредством которых создается образ того или иного героя. Использование различных ЛСГ глаголов на страницах

романа значимо для художественного замысла: они участвуют в речевой характеристике героев романа и одновременно передают их психологические состояния в конкретной ситуации, динамику отношений между героями.

Источники и принятые сокращения

1. *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание : роман в шести частях с эпилогом / Ф. М. Достоевский ; авт. вступ. ст. К. И. Тюнькин ; худож. В. Максин. – Ленинград : Художественная литература. Ленинградское отделение, 1980. – 560 с.

2. СРЯ – *Словарь* русского языка : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой ; Рос. акад. наук. Ин-т лингвист. исслед. – 4-е изд., стер. – Москва : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999. – Т. I–IV.

Литература

1. *Архипова Ю. Ю.* Состав, семантика и функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия (на материале художественных текстов) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук 10.02.01 / Ю. Ю. Архипова. – Санкт-Петербург, 2000. – 197 с.

2. *Гичева Н. Г.* Лексико-семантические группы однопереходных глаголов в драмах В. Шекспира : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.2.04 / Н. Г. Гичева. – Санкт-Петербург, 1994. – 19 с.

3. *Ковенева С. Б.* Функционально-семантическая характеристика глаголов социальных отношений в современном художественном тексте (на материале трилогии Е. А. Кулькина «Прощеный век») / С. Б. Ковенева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. – 2008. – № 1. – С. 175–178.

4. *Фролова М. В.* Функционирование глаголов социальных отношений в романе М. Булгакова «Белая гвардия» / М. В. Фролова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. – 2011. – Т. 2. – № 1-13. – С. 65–71.

© **Никандрова Инна Андреевна (2013)**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, ГАОУ ВПО «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт» (Коломна), nikandrova7@mail.ru.